

О РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ВЕРХНЕЧЕПЕЦКОМ ГОВОРЕ СЕВЕРНОУДМУРТСКОГО НАРЕЧИЯ

В современном языкознании изучение взаимодействия языков и заимствований является одной из актуальных проблем. Эта проблема поставлена перед лингвистами самой жизнью, потому что общность экономической, политической и культурной жизни народов СССР, общность их идеологии, взаимодействия и взаимообогащения их культур закономерно приводят к взаимодействию и взаимообогащению языков этих народов (ВВЯН 139).

По мнению Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко (1968: 199), взаимодействие языков — «это всевозможные разновидности взаимовлияния, взаимопроникновения двух или более языков и их диалектов, заимствование каким-нибудь одним языком различных языковых фактов из других языков, а также результатов взаимодействия языков в разные периоды».

На формирование и развитие удмуртского языка прогрессивное влияние оказал и оказывает русский язык. Он был и остается неиссякаемым источником обогащения словарного состава удмуртского языка.

По свидетельствам историков, археологов и языковедов, начало непосредственных контактов удмуртов с русскими можно отнести к XII—XIII векам (Владыкин, Гришкина 1970: 3).

В конце XV в. удмурты оказались в составе двух феодальных государств: Русского централизованного государства и Казанского ханства. Совместная борьба против татаро-монголов привела к добровольному присоединению удмуртов к России. В 1489 году северные удмурты вошли в Московское Великое княжество, а в 1552 году русское подданство приняли также и южные удмурты. Русское влияние на духовную и материальную культуру удмуртов (особенно северной группы) было так велико, что южные удмурты называли своих чепецких сородичей «зуч удмуртьёс», т. е. «русские удмурты». Эти взаимосвязи ощущались в быту, одежде, жилище, в языке — во всех сторонах жизни удмуртов и русских (Владыкин, Гришкина 1970: 17).

Целью нашей статьи является анализ некоторых русских заимствований верхнечепецкого говора (вч.) северного наречия в сопоставлении с южным.

Степень проницаемости различных уровней языка при взаи-

модействии языков неодинакова. Наиболее проницаемой является лексический уровень, через который в язык проникают также фонетические и морфологические элементы.

Русские заимствования обычно принято делить на 2 группы: 1) слова, заимствованные в дореволюционный период; 2) слова, заимствованные в советское время. Заимствования дореволюционного периода в большей степени подчинены фонетическим закономерностям удмуртского языка. В частности, имеющиеся в настоящее время звуки русского происхождения ф, х, ц, щ заменялись соответственно звуками п, к, ч, ш (или ч̣). Часть заимствований, в которых произошла субституция ф, х, ц, щ удмуртскими согласными, характерна для всего верхнечепецкого говора: гулбэч < голбец, огрэч < огурец, ул'ча < улица, гү'ча < гуща, эшшо < ещё, кирэн' < хрен; некоторые слова встречаются лишь в речи людей пожилого возраста: шкап < шкаф, копта < кофта, пэршад < фельдшер, саккар < сахар и другие.

Нехарактерные для удмуртского языка инициальные и финальные сочетания согласных устраняются вставкой гласного или выпадением одного из согласных звуков, напр.: пил'эш < плешь, плешивый, урумка < рюмка, толык < толк, долыг < долг, горыб < горб, фунут < фунт, с'эрэда < среда, с'оровно < все равно, с'отаки < все-таки, с'акой < всякий, с'иволот < Всеволод и др.

Вышеперечисленные явления характерны как для северного, так и для южного наречия удмуртского языка, хотя встречаются и некоторые звуковые несоответствия, в частности: вч. саккар ~ южн. сакыр «сахар», вч. сундук ~ южн. сандык «сундук», вч. шан'ги ~ южн. шаŋга «шаньги», вч. тарэлки ~ южн. тэркы «тарелка» и др. Возможно, данные слова проникли в южное наречие через тюркские языки.

Заимствования советского времени отличаются от заимствований дооктябрьского периода как по содержанию, так и по форме. Большинство из них усваивается в фонетическом облике, близком к русским произносительным нормам. Тем не менее, заимствованное слово теряет грамматические категории и парадигмы языка-источника и приобретает парадигмы и грамматические категории заимствующего языка. Русские заимствования восполняют те разряды лексики, которые отсутствуют в заимствующем языке, или по-новому, более точно выражают данное понятие.

В верхнечепецком говоре, как и в северном и южном наречиях в целом, существительные, имеющие в русском языке лишь форму множественного числа, воспринимаются как фор-

ма единственного числа, от которой может быть образована и форма множественного числа: бот'инка — бот'инкаос «ботинки», вэс — вэйос «весы», кан'икул — кан'икуйлйос «каникулы» и др.

При анализе лексического состава верхнечепецкого говора выявляется, что значительному количеству русским заимствованиям, наличествующих в данном говоре, в южноудмуртском наречии соответствуют слова собственно удмуртского или тюркского происхождения: вч. воздух, южн. омыр «воздух»; вч. мэста, южн. инты «место»; вч. потолок, южн. вёлдэт «потолок»; вч. полат', южн. сэндра «полати»; вч. плат'т'а, южн. дэрэм «платье»; вч. з'эркал, южн. с'инучкон «зеркало»; вч. брат, южн. агай «брат»; вч. т'от'а, южн. кэнак «тётя»; вч. сват, южн. кудо «сват»; вч. врэма, южн. дыр ~ вакыт «время»; вч. пис'мо, южн. гоштэт «письмо»; вч. краска, южн. буйол «краска».

Некоторым русским заимствованным прилагательным верхнечепецкого говора в южноудмуртском наречии соответствуют собственно удмуртские слова или тюркские заимствования: вч. куд'ыра, южн. бабыл'эс «кудрявый»; вч. н'эмой, южн. кылтэм «немой»; вч. во'л'ной, южн. эркын «вольный»; вч. жадной, южн. аксым «жадный»; вч. здоро'вой, южн. таза «здоровый»; вч. простой, южн. огшоры «простой».

В верхнечепецком говоре чаще, чем в других удмуртских диалектах, встречается следующий способ образования глагольных форм: русский инфинитив + вспомогательный глагол *карны* «делать», *карис'кын* «делаться, становиться»; вч. отка-зат' карны, южн. пумит луыны «отказать»; вч. рисоват' карны, южн. сурэданы «рисовать»; вч. бри'цца карис'кын, южн. мычис'кыны «бриться»; вч. крас'ит' карны, южн. буйаны «красить».

Слова типа служить карыны «служить», голосовать карыны «голосовать», электрифицировать карыны «электрифицировать» совпадают во всех диалектах удмуртского языка, кроме срединных, где имеются формы служит'тыны, голосоват'тыны и др. Последние формы несколько ближе к русским заимствованиям коми языка, где вспомогательный глагол не употребляется: к. бэл'итны, ср. бэл'ит'тыны, сев. бэл'ит' карны, южн. тёд'маны «белить», к. бэспокоитчыны, ср. удм. бэспокоичкыны, сев. бэспокоицца карис'кын, южн. с'улэмшугйас'кыны «беспокоиться» и др.

В рассматриваемом говоре наблюдается более частое употребление русских числительных, несмотря на наличие в говоре удмуртских соответствий, напр.: со'рок вос'мом году армийэ кошки, посл'э войны три года с'эм мэ'сацэф слу-

жит' карн «В 48-ом году ушёл в армию, после войны служил 3 года 7 месяцев».

Это явление сближает верхнечепецкий говор с коми-пермяцким языком.

Многие союзы верхнечепецкого говора заимствованы также из русского языка, напр.: и, но, да, а, што «что», штобы «чтобы», ил'и «или», йэсл'и «если» и другие. Примеры: мужикмэ уггэс йарацкы вал но, а мумы-бубы с'отэм потэ. «Муж вроде не нравился, а родителям хочется выдать»; йэсл'и ад'амилэн кымысыз чил'а кэ, со шуттэм луос «Если у человека лоб блестящий, он будет несчастным».

ОБРАЗЦЫ РЕЧИ

шэчас мон тыныд вэрало. полом волос'э (ай соку полом прихожай шуо на вал) трос гуртйос пыро вал: кот'эгурт, пихтофка, тугалуд, чубой, л'уквыр, гордйар, пин'кай, мэд'ма, кэздур, ад'амигурт, йурук, озон, бодыгурт, с'т'эн'гурт; пикша, гурзошур. ой, трос ай д'эрэвн'аос вал. чи'сто вунэти ни. прихожан шуо во'лос'эз. татын вэт' во'лос' вал, ал'и с'эл'совэт кад'. мил'ам глазофский уйэзд вал, поло'мскаяа волос'.

мынам т'ат'ээ вит' войнээ вэтлэмын, пэ'рвойаз вэтлэмын д'эйстви'т'эл'нойэ, аслаз сроказ, бэн вэт', сэрэ йапо'нскойэ, гражданскойэ: сэрэ чэты'рнатцатом году тожо вэтлиз вал. ой, валаса ик уг бы'ттис'кы ни. чэты'рнатцатом году канту'з, итца карис'кыса бэртиз. одиг йыр'с'иэз но, одиг тушэз но ой вал. соос кыз' вит' куз'а шэд'ил'л'ам вылэм окруж'эн'н'э. быдэс сутка, пэ, ули'мы, валиосмылэн пэл'йоссы гинэ, пе, ацко на тыыс'.

сэрэ ми комсомолэ го'чким. мумы двухмэтро'фка гинэ вал. узыргэс улис'йосыз шуо: тил'ат, пэ, ужамды ук по'ты но комсомолэ, пэ, пырис'ко'ды. чэпыкйос пыр вэтлыли'зы ми доры, таццы ойылэ, собран'н'э. угн'эт'о'нной вал уга удмор'т калык, заби'той, кулакйослы ужаса вэтлис'киз. араны вэтлис'ком вал за пэйс'ат копэ'йэк. окпол вэт' шунды пукс'из ни вал, и эшшо кулак нуиз на араны. и по пэйс'ат копэ'йэк с'отиз мил'эм, жа'дной. ал'и но йыры кур на. а ал'и мил'ам, мон с'ана, өв'ол ни пэ'рвой комсомолкаос. мынам подругаосы өв'ол ни.

с. Полом Кезского района.
Иванова Анфиса Афанасьевна (1913,
образование 4 кл.) — А. А. Алашеева — 1980.

Сейчас я тебе скажу. В Полумскую волость (тогда Полом назывался еще прихожай) входило много деревень: Котегурт, Пихтовка, Тугалуд, Чубой, Люквыр, Гордяр, Пинькай, Медьма, Кездур, Адымигурт, Юрук, Озон, Бодыгурт, Стеньгурт, Пикша, Гурзешур. Ой, очень много было деревень. Все уже забыла. Волость называли прихожан. Здесь ведь была волость, сейчас, кажется, сельсовет. У нас был Глазовский уезд, Полумская волость.

Мой отец участвовал в пяти войнах. В первый раз был в действительной, в свой срок, так ведь, затем в японской, гражданской, затем в четырнадцатом году тоже участвовал. Ой, даже сообразить не могу уже. В четырнадцатом году вернулся контуженный. Не было ни волос, ни бороды. Они, оказывается, двадцать пять человек попали в окружение. Говорят, целые сутки там находились, у лошадей только уши торчали из озера.

А потом записались мы в комсомол. Земля наша была только двухметровая. Те, кто побогаче, говорят: вы, мол, работать не хотите и поэтому в комсомол вступаете. К нам в Ойыл (Полом) на собрание все время ходили из Чепыка. Удмуртский народ был угнетенный, забитый. Ходили на кулаков работать. Жали за пятьдесят копеек. Однажды уже солнце село, а кулак еще повел жать. И дал нам по пятьдесят копеек, жадный. И сейчас злость не проходит. А сейчас у нас, кроме меня, уже нет первых комсомолок. Моих подруг не стало.